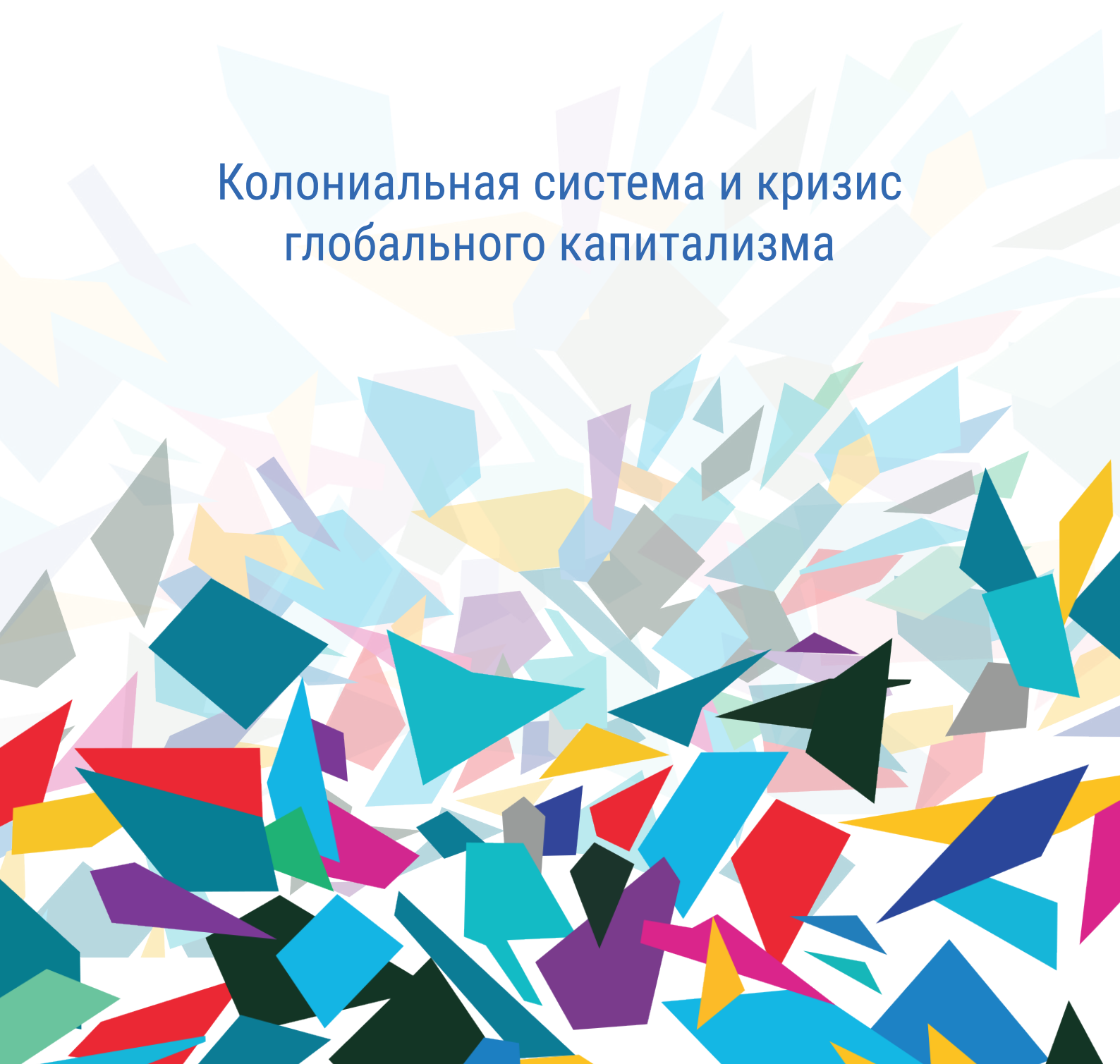

РАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Колониальная система и кризис
глобального капитализма

Версальская система, зафиксировавшая триумф Антанты, была полна противоречий. Так, с одной стороны, внешне она предоставила европейским народам право на самоопределение. С другой же стороны, народам за пределами Европы, независимо от занятой ими позиции в мировой войне, была уготована судьба остаться или стать частью одной из колониальных империй. Германские владения в Африке и Океании были разделены между державами-победительницами, при этом некоторые из Британских доминионов – по существу, формации с ограниченным суверенитетом – тоже получили колонии для себя в процессе дележа. Ближневосточные земли, принадлежавшие Османской империи приобрели статусы английских и французских мандатов; имперским администрациям было поручено «готовить» их к независимости в неопределенном будущем.

Противоречивой оказались и финансово-экономическая сторона Парижских договоренностей. Германия, в представлении политиков Антанты, не должна была стать экономически сильной, чтобы не превратиться снова в военную угрозу; тем не менее, на ней висел огромный долг, который она обязывалась выплатить пострадавшим во время войны западноевропейским демократиям – Бельгии, Франции и Англии в первую очередь. Те же использовали часть полученных денег на погашение долга перед США. Следуя этой схеме, финансовые средства из наиболее уязвимой экономики направлялись на поддержку самой сильной экономики планеты.

Конец Германской империи не создал прецедента; наоборот, империи в целом только разрослись. В них к 1920 году проживало более 600 миллионов человек. В теории, ими можно было управлять непрямым образом – используя в целях администрации региональную, традиционную элиту – либо же напрямую, с помощью назначаемых из центра бюрократов. На местах ситуация сильно разнилась. Отсутствие в центральных областях Африки развитой инфраструктуры, по существу, превращало чиновников в не подотчетных «царьков»; чаще всего, поэтому, большинство колониальных систем были гибридными, совмещая в себе свойства прямого и непрямого управления.

Подавляющее большинство колониальных подданных продолжало проживать в рамках традиционного общества. Изменения, однако, были весьма существенными, и связаны они были не столько с заявленным колониальными властями намерением способствовать улучшению условий жизни в колониях, сколько с многократно возросшей вовлеченностью колониальных аграрно-сырьевых экономик в мировой товарообмен. Натуральное хозяйство отступало перед натиском культур, выращиваемых с целью коммерческой прибыли на экспорт: кофе в Индонезии, риса в Индокитае, арахиса в Сенегале или хлопка в Уганде. Благополучие фермеров зависело как никогда ранее от глобальной экономической конъюнктуры, что не могло не отразиться как на развитии их предпринимательских инстинктов, так и на их общем кругозоре. Массовые сезонные миграции из колониальной периферии на рудники и шахты в поисках работы также вносили свой вклад в ускорившие свой ход социальные перемены. В регионах добывающей промышленности появлялись новые поселения, преобразующих, как своеобразные общественные плавильные печи, прибывающих сельчан в горожан. К таковым мы можем отнести возникший на рубеже 20 века Найроби в Восточной Африке и основанным рядом с оловянными рудниками в Малайе Куала-Лумпур.

Колониальное общество трансформировалось и под влиянием внешней миграции. Большие общины европейских переселенцев возникли во внутренних областях империй. Так в Южной Родезии – будущей Зимбабве – белые составляли до 5 % населения; порядка 60 тысяч белых обосновалось в Кении к 1950 году. В большей степени, чем любая из английских колоний, французский Алжир напоминал регион «нео-Европы»: к началу алжирской войны за независимость население европейцев превышало 1.5 миллиона человек, что составляло 15% от общего населения. Во всех упомянутых регионах, власть находилась в руках белого меньшинства. Их роль в становлении туземных обществ была двоякой: с одной стороны они несли с собой западную культуру и образование, с другой же, используя местные органы власти для продвижения своих интересов, они олицетворяли собой произвол колониальной системы.

Пожалуй, наиболее значимой – с точки зрения последствий – из миграций в колонии стало массовое переселение европейских евреев в Палестину. За год до окончания Первой мировой войны, министром иностранных дел Великобритании Лордом Артуром Бальфуrom была

подписана декларация, обещавшая создание еврейского «национального очага» на территории, пока подвластной Османской Империи. После войны, в Палестину, ставшую британским мандатом, начали прибывать тысячи евреев из восточных и центральных областей Европы; идеологическим двигателем стала для них сформулированная журналистом и писателем Теодором Герцлем доктрина сионизма, провозгласившая правомерность и необходимость основания еврейского государства на «эрец Исраэль» – «Земле обетованной», населенной, правда, по преимуществу арабами. Сильны были среди эмигрантов и социалистические симпатии, вдохновившие переселенцев на строительство сельскохозяйственных коммун, или киббуцов. К 1937 году численность еврейского населения достигла отметки в 400,000 человек, т. е. около 30 % от общего числа жителей региона. Их отношения с арабами, натянутые с самого начала, в 1920, 1929 и 1936 годах переходили в острые этнические конфликты. Националисты и с той, и с другой стороны боролись с британскими властями, хотя цели у каждой из групп были совершенно разными.

Борьба с колониальным присутствием в межвоенные десятилетия не ограничивалась Палестиной. Так, с 1920 года берберы северо-западного Марокко успешно боролись с испанской армией; только интервенция Франции в 1924 году склонила чашу весов на сторону колониальных властей. В том же, 1920 году, началось восстание в Ираке, подавленное британцами не без помощи воздушных бомбардировок.

Европейские идеологии давно уже были частью арсенала, находящегося в распоряжении борцов с европейским империализмом. В конце 19-начале 20 века национализм показал себя не менее эффективным средством мобилизации населения в колониях, чем в метрополии 50 годами ранее. Доктринальным новшеством стал коммунизм. С 20-х годов роль и число его адептов в антиколониальных движениях неуклонно росло. Это было связано с тем, что население помимо национального гнета испытывало на себе и социальный гнет; сталинская модель, соединявшая в себе элементы социалистического строительства и национального освобождения – пусть только на словах – действовала опьяняюще на жаждущих возмездия молодых революционеров. К таковым относился Хо Ши Мин, один из основателей индокитайской Компартии; интернационалистические призывы классического марксизма не помешали ему сохранить свои националистические убеждения. Не было до конца понятным, что для Хо Ши Мина было средством, а что целью – нациостроительство, закладывающее фундамент будущему коммунистическому обществу, или же коммунизм, как способ привлечения социально угнетенных крестьянских масс к борьбе за национальное освобождение. Эти вопросы на время отступили на задний план, так как стратегическая выигрешность такой, необычной для Европы комбинации, в колониальном мире была бесспорной.

Наиболее самобытной с точки зрения идеологии стало движение, возглавленное в Индии Мохандасом Карамчандом Ганди, прозванным «Махатмой» («Великой душой»). В основе его борьбы лежал принцип сатьяграхи, или отвергающего насилие гражданского неповиновения. Во взаимоотношениях с британской колониальной администрацией, нарушившей свои обещания о расширении автономии для Индии, Ганди предлагал придерживаться тактики не сотрудничества. В перспективе это должно было либо парализовать власть, либо принудить ее к уступкам.

Благодаря своим моральным качествам и успехам в конфликтах с метрополией Ганди пользовался непререкаемым авторитетом. Его идеалом было сохранение единства в индийском обществе. У его ближайших сподвижников планы были иными. До тех пор, пока Британия оставалась на Субконтиненте, Индийский Национальный конгресс, состоящий в основном из индуистских депутатов, и Мусульманская Лига готовы были сотрудничать друг с другом. Однако их лидеры не на минуту не забывали о различии в интересах представляемых ими групп.

Для мировой колониальной системы, межвоенное время было эпохой относительной стабильности, скрывавшей реалии назревающего кризиса. Для глобального капитализма, эти десятилетия были временем открытого кризиса, заставившего усомниться в если не в его дальнейшем существовании, то, во всяком случае, в обоснованности связанных с ним практик.

Традиционно, началом кризиса глобальной капиталистической системы – так называемой Великой Депрессии – считается обвал на Нью-йоркской бирже в октябре 1929 года; на момент

обвала, ряд отраслей – сельское хозяйство в первую очередь – уже находился в состоянии рецессии. В ретроспективе, роль локального спада в глобальном сокращении мирового производства была очевидной. Для миллионов же современников, крах биржи наступил совершенно неожиданно, как поразительное по своей скорости и масштабу событие-катастрофа, которого невозможно было избежать и к которому, в связи его беспрецедентностью, невозможно было подготовиться.

Существует множество интерпретаций причин Депрессии, но все они связаны с той ролью, что США начали играть в глобальной экономике после войны. К 1919 году государство превратилось не только в неоспоримого лидера мирового производства, но и главным мировым кредитором. Англия, Франция и Германия – еще недавно вторая мировая экономика – являлись должниками американского правительства и американских банков, причем Германия использовала полученные от США займы для ежегодных репарационных выплат. По существу, экономика США, для которой война была скорее мощным стимулом, взяла на себя восстановление ослабленных войной Европейских экономик. Это могло продолжаться, пока американские инвесторы были уверены в экономических возможностях рынка.

Проблема заключалась в том, что рост американской экономики питал спекулятивную атмосферу на фондовой бирже. Это привело к частичному отводу финансовых средств с европейских рынков на американский, что, в свою очередь, означало новый виток в росте цен на бирже. К осени 1929 года спекуляция стала настолько явной, а цены на акции настолько «необоснованными», что основные инвесторы начали их продавать. Именно за этими продажами и последовал резкий обвал 24 октября, известный в истории как «черный вторник». За обвалом наступила банковская паника: инвесторы, пытаясь погасить свои долги, ринулись изымать свои вклады. Многим банкам, так же участвовавшим в спекулятивных операциях, в виду отсутствия средств пришлось закрыть двери перед наплывом клиентов. Вызванное банкротством финансовых институтов (банков и частных инвесторов) спиралевидное сокращение денежной массы сразу же отразилось на всей остальной экономике. Индустриальное производство, целиком зависящее от потребительского рынка с резким ростом в числе потерявших работу американцев, вошла в полосу упадка, что, конечно же, только усугубляло ситуацию с трудоустройством. В результате взаимодействия этих, взаимоусиливающих, факторов, к 1932 году, индекс индустриального производства упал на 45 процентов, а количество безработных достигло 30 процентов, или 12 миллионов человек.

Мировые последствия коллапса американской экономики не заставили себя долго ждать. Наиболее пострадавшими оказались страны, более всего зависящие от международной конъюнктуры – т. е. страны с наиболее индустриализованными экономиками. Экономика Германии, двойного должника, уменьшилась в 1932 году до 58 процентов от своего производства тремя годами ранее; 6 миллионов немцев оказались без работы. Франция, с другой стороны, бывшая страной с большой, нацеленной на внутреннее потребление, сельскохозяйственной базой, столкнулась с резким сокращением производства лишь в 1931 году. Советскому Союзу, закрытой экономике, проходящей болезненную индустриализацию, удалось избежать Депрессии. Тем не менее, невзирая на различия в степени ущерба, общее мировое производство упало до уровня начала 20 века.

Депрессия поставила крест на первой волне Глобализации. Первая реакция на сокращение производства и рост безработицы была предсказуемой: введение протекционистских тарифов, уход от золотого стандарта и девальвация национальных валют, проведенная с целью увеличения экспорта. Когда эти меры оказались малоэффективными, начались поиски альтернативных решений. Одним из самых значимых результатов поисков стало появление Кейнсианства, ответвления экономической мысли, названной в честь британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Последний считал, что в ситуации, где каждая экономика борется за выживание, недостаточно просто огородиться от мира и надеяться на естественное восстановление. Ключевым экономическим игроком должно было стать государство, массовыми вливаниями финансовых средств, запуском общественных проектов, созданием, пусть и рыночно немотивированных, рабочих мест, стимулируя экономическую активность. Кейнсианская экономика предоставляла доводы в пользу дальнейшего усиления государства, вписываясь в ускорившийся во время войны долгосрочный процесс глубокого внедрения государственных структур в плоть общественной жизни.

Рекомендации Кейнса, после недолгих дебатов, были приняты рядом стран без значительных оговорок. Пришедшая к власти во Франции в 1936 году коалиция из левых партий (так называемым правительством «Народного фронта»), объявивший в 1933 году о начале «Нового Курса» американский президент Франклин Рузвельт, итальянские фашисты, шведские социал-демократы и японские милитаристы – все действовали в рамках предложенной британским экономистом модели. Ее привлекательность заключалась еще и в том, что предусмотренные Кейнсом меры способствовали переходу экономик на режим «самодостаточности» – или «автаркии». В условиях мирового кризиса – вызванного зависимостью локальных экономик друг от друга и от мировой глобальной конъюнктуры – идея «самодостаточности», т. е. концентрации в рамках отдельно взятой экономики всех необходимых ей ресурсов казалось панацеей, способной уберечь нации от наиболее пагубных последствий международного капитализма.

Автаркия, поощряя экономическую замкнутость и территориальную экспансию (в случае отсутствия «жизненно необходимых ресурсов»), была центральным пунктом в программах ультра-правых движений. В условиях мирового экономического кризиса, рост последних только ускорился. Самой значимой европейской ультра-правой организацией в 30-ые годы была, безусловно, Национал-Социалистическая Рабочая партия Германии, или, сокращенно, «нацистская партия». До Депрессии, нацисты не выделялись среди немецких националистических движений ни своими электоральными успехами, ни даже своей идеологией. 1929 год, однако, вызвал резкую поляризацию немецкой политики; традиционные левые, центристские и правые силы теряли избирателей самым радикальным представителям политической фауны – а именно коммунистам и нацистам. К 1932 году последние обогнали Социал-демократов, превратившись в крупнейшую фракцию Рейхстага. В этом году, ее вождь – «Фюрер» – Адольф Гитлер баллотировался в президенты. Набрав 37 % голосов, он уступил первое место престарелому герою мировой войны Паулю фон Гинденбургу. Неудача, тем не менее, не помешала Гинденбургу предложить Гитлеру в январе 1933 пост канцлера. Тот согласился, взяв с собой в правительство еще двух членов нацистской партии в преимущественно правоконсервативную коалицию.

Приход Гитлера к власти означал конец Германской республики – прозванной по городу, где была принята конституция, «Веймарской». В течении нескольких лет, используя объявленное в стране чрезвычайное положение, Гитлеру удалось провести полную нацификацию политической жизни; с 1934 года НСДАП превратилась в единственно законную партию. С 1933 года нацистами были предприняты меры в духе агрессивного Кейнсианства по улучшению экономического положения страны. К 1936 году, безработица была устранена, а уровень производства вырос. К этому времени, нацисты, получив контроль над ключевыми государственными институтами, могли перейти к пересмотру условий Версальского договора.

В 1936 году, однако, мало кому, в том числе и Гитлеру, было ясно, как далеко процесс пересмотра может зайти.